

тим именима казује искључиво облицима од сих изведених присвојних придева, уколико уз име није употребљено и презиме, или друга која одредба; ... синтагме: дела Вука или дела Мажуранића, поезија Његоша или поезија Мажуранића нису у природи српскохрватског језика већ се обично каже: Вукова дела, Мажуранићева дела, поезија Његошева, поезија Мажуранићева — зато тако треба говорити» [11. С. 181-182].

Таким образом, в вопросах о статусе притяжательных прилагательных в русском и сербском языках, о значении, а также о категории относительно-притяжательных прилагательных у лингвистов нет единого мнения. В то же время основные проблемы их исторического развития изучены достаточно хорошо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мароевич Р. Посессивные категории в русском языке (история развития и современное состояние) // Филол. науки. 1983. № 5. С. 56-61.
2. Макарова С. Я. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI-XVII вв. // Тр. ин-та языкознания. М., 1954. Т. 3. С. 7-31.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. 596 с.
5. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.
7. Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1960. Т.2. Синтаксис. Ч.1. 702 с.
8. Русская грамматика: В 2 т. М., 1982. Т. 1. 783 с.
9. Stojanovic' S. Binarne relacije posesije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd, 1966. 500 s.
10. Станојчић Ж., Поповић. Граматика српскога језика: Уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе. Београд, 2000. 411 с.
11. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма). Синтакса. II. Београд, 1974. 942 с.

Нина Владимировна ГОРЯНСКАЯ —
аспирант кафедры русской литературы
филологического факультета

УДК 821.161.1(092)

ДВЕ ВЕРСИИ ПРОЧТЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

(И. А. Бунин и М. А. Алданов)

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы две версии изучения творчества Л. Н. Толстого. И. А. Бунин рассматривает толстовское наследие с точки зрения «сенсуализма», полемизируя с писателем и критиком М. А. Алдановым, изучающим творчество Толстого, исходя из «рационализма». Разные подходы высвечивают и различные грани литературной философии великого мыслителя.

The author studies two approaches to the literary works of L. N. Tolstoy. I. A. Bunin considers the writer's works from the point of view of the theory of «sensationalism» that is controversial to the theory of «rationalism» supported by the writer and critic M. A. Aldanov. The two different approaches show the diverse literary and philosophic views of the Great Russian writer.

Произведение «Освобождение Толстого» — итоговое в творчестве И. А. Бунина, оно стоит особняком в ряду всех его литературных шедевров. Исследовате-

ли не раз отмечали, что это «сплав воспоминаний, философских исканий, художественных наблюдений, не имеющих аналогов в мировой толстовиане» [1]. Общеизвестно отношение Ивана Алексеевича к Л. Н. Толстому: Бунин буквально боготворил великого писателя, о чем вспоминали практически все его современники [2]. Это благоговение в полной мере выразилось в «Освобождении...», написанию которого автор посвятил несколько лет (впервые издано в 1937 г. в Париже). «Толстой получился у него неизмеримо духовней, душевней, даже нежней, чем у кого бы то ни было, как-то мягче, тише, беспомощнее» [3], — отзывался о бунинском произведении критик А. Г. Адамович.

Книга о Толстом — единственное произведение «трактатной» формы в творческом наследии Бунина. Отсюда — своеобразный сплав личных воспоминаний о великом писателе и большого количества ссылок (почти всегда полемических по отношению к их авторам). Самым неприемлемым, в бунинском понимании, было искажение правды о Льве Николаевиче, поэтому все высказывания о нем подвергались строгой, объективной оценке: «Бунин с необычайной остротой чувствовал всякую фальшь в рассказах о Толстом... в этом отношении он настолько щепетилен, что достаточно иногда одного сомнительного слова, чтобы подорвать его доверие» [4]. Автором «Освобождения...» критиковались и зачастую опровергались суждения Д. С. Мережковского, М. А. Алданова, В. С. Соловьева, В. А. Маклакова, В. Я. Брюсова...

Подчеркнутое внимание Бунин уделяет взглядам М. А. Алданова. Известно, что Алданов был близким другом Ивана Алексеевича, вел с ним переписку и высоко ценил его литературную деятельность [5]. Многие сближало их. Оба были людьми одного интеллектуального круга. Оторванные от родины, и Бунин, и Алданов прошли тяжелые испытания в изгнании, но, несмотря ни на что, оставались навсегда преданными традициям русской литературной классики. Главным притяжением обоих был Л. Н. Толстой, которого они боготворили, считая высоким образцом мировой литературы. Свою первую литературоведческую работу Алданов посвятил именно автору «Войны и мира» («Толстой и Роллан», 1915 г.), а в последнем своем романе («Самоубийство») называл Льва Николаевича полубогом. «Великих» писателей, — отмечал Алданов, — после Толстого и Пруста в мире вообще не было и нет, да и насчет Пруста еще «можно спорить» [6].

Бунин ценил в Алданове преданность, верность памяти и творческим традициям великого писателя. Почитателей Толстого было достаточно, но настоящим ценителем Льва Николаевича был для Бунина Алданов, более того, он был человеком, которому Иван Алексеевич «верил больше всех на земле» [7]. Немаловажно то, что в советской редакции «Освобождения...» цензурой были вырезаны строчки, в которых, подвергая жестокой критике марксистов — первых исследователей Толстого, Бунин противопоставляет им концепцию М. Алданова, значит, можно сказать, признает за ним первенство среди критиков-толстоведов.

Впервые имя Алданова упоминается в «Освобождении...» в связи с рассуждениями об уме и разносторонней учености великого писателя. Бунин пишет: «Из множества легенд о Толстом и до сих пор еще существует еще и та, будто он был чуть не невежда по своему образованию. Повторяю, почти все легенды о нем создавались прежде всего по его собственной вине — на основании его резких, крайних самооценок... И кто из писавших о нем опровергал его мнимое невежество? Никого не могу вспомнить, кроме Алданова...» [8]. Марк Александрович действительно ревностно защищал писателя от нападков критиков: «Толстой был несомненно одним из наиболее разносторонних ученых людей нашего времени... в своем главном «ремесле», в литературе, он знал «все»... Он

в разное время жизни интересовался, со всей своей способностью страстного увлечения, то философией, то естествознанием, то богословием, то теорией искусства, то педагогическими науками...» [9].

Суждения Алданова неоднократно приводятся на страницах «Освобождения...». Споря или соглашаясь, Бунин цитирует крупный критический трактат Алданова «Загадка Толстого» (1923г.), а также статью 1938 года «О Толстом». Писатели абсолютно сходятся во мнении, считая автора «Войны и мира» «противообщественным деятелем», а не «воплощением угрызения социальной совести», как написал о нем Мережковский. Независимость от властвующих структур и «толпы», равно как и «систематическое уклонение от общественной повинности» [10] и отречение «от всякого «делания» [11], в том числе политического, были слишком ярко проявлены в характере Л. Н. Толстого, что с одинаковой остротой подмечали и Алданов, и Бунин. В «Освобождении...» цитируются слова Алданова: «Он (Толстой – Н. Г.) всю жизнь уклонялся от общественной повинности (хотя и не мог иногда уклоняться)...» [12].

Однако во мнениях писателей обнаруживаются и расхождения. Так, предметом спора является отношение Толстого к науке. Выражаясь метафорично, Алданов утверждает, что, если применить к автору «Войны и мира» кантовскую «формулу идеи совершенного, гармонического человека», то для Толстого наиболее важным окажется «нравственный закон», нежели «звездное небо». Под последним усматривается отношение писателя к наукам и научности: «Ученые выдумали, правда, «туманные пятна»... «химический состав Млечного пути», но все это — никому ни для чего не нужный профессорский вздор. Боги звездного неба, Кеплеры, Ньютоны, Леверье, для Толстого в лучшем случае — маньяки...» [13]. По мнению Алданова, Лев Николаевич считает важной науку, «только действительно нужную людям», то есть «практическую и улучшающую жизнь людей» [14]. С таким резким суждением автор «Освобождения...» не согласен. Здесь «сталкиваются» сенсуализм Бунина и «рационализм» Алданова. По Бунину, «звездное небо» — это не только Млечный Путь — поле для работы ученых, но, в первую очередь, поэтический, художественный образ, то небо, которое воспел Толстой в «Войне и мире». Видя, как и Алданов, одно из значений этого романа в борьбе Толстого против байроновского демона мысли Бунин писал: «Не «вкушать» от древа познания добра и зла ни князь Андрей, ни сам Толстой не могли. А это и привело их обоих к «звездному небу»» [15].

Для Алданова значителен и другой акцент. Он совершенно четко видел, что только Толстой, с его гениальностью, мог осмыслить «слабость и относительность человеческого разума», почему и подвергал критике все «науки научные». На этот значительный акцент алдановского понимания философии великого писателя обратил внимание критик Б. М. Аверин [16].

Полемичной для исследователей является и тема смерти, причем Бунин явно возмущен мнением Алданова: «Читаешь — и глазам не веришь. Выходит как будто так, что Толстой должен был чуть не каждую смерть, написанную им, сопровождать этическими обобщениями, философией, а он меж тем будто бы даже *никогда* этого не делал» [17]. В творчестве Толстого Бунин видит «стремление преодолеть смерть» [18], освободиться от нее: «Толстой «господином» смерти не был, весь свой век ужасался ей, не принимал ее» [19]. Осмысляя толстовский подход, Бунин интерпретирует умирание как «живой и радостный возврат из земного, временного, пространственного в неземное, вечное, беспредельное, в лоно Хозяина и Отца, бытие которого совершенно несомненно» [20]. Но ведь и для Алданова «галерея смертей» у Толстого, во всевозможных ее вариациях, не является значимой сама по себе, хотя «больше всего волнует писателя» [21]. В этой теме исследователь видит важные смыслы. Ана-

лизируя произведения Толстого, Марк Александрович пытается понять, что стоит за «философией смерти», и находит такой ответ: «Его цель ведь заключалась в том, чтобы сначала напугать людей, а потом примирить их со смертью... Толстой обещает за страхом успокоение» [22]. Таким образом, Алданов вновь усматривает «нравственный закон», уже в толстовской концепции смерти, для Бунина же Толстой — исключительно «жизненный» писатель, стремящийся найти освобождение от смерти.

Неоднозначными являются взгляды относительно религиозных воззрений автора «Войны и мира». По мнению Бунина, Алданов, как и другой толстовед, В.А. Маклаков, считал, что «бог был для Толстого только непонятная начальная сила; бессмертие духа — простое признание факта, что наша духовная жизнь откуда-то появилась и, следовательно, куда-то уйдет» [23]. Алданов не понимал, почему его мнение уподобляют точке зрения Маклакова, хотя в общем считал, что с ним у него «большого разномыслия нет». Для Бунина же ближе Толстой верующий: «Духовно жил он (Толстой — Н. Г.) все-таки... именно «преданностью», а не «знанием», о чем сказал еще в «Исповеди», отвергнув «знание» в деле веры...» [24].

Каждый исследователь искал и находил для себя в Толстом что-то свое. Ключевое слово в работе Алданова — «загадка». Он пытается разгадать Толстого, понять все вопросительные стороны его жизни и творчества. Подробно анализируя «Войну и мир», «Анну Каренину», «Крейцерову сонату», «Смерть Ивана Ильича» и др. произведения Толстого, Алданов каждому из «загадочных явлений» стремится найти свое обоснование.

Если для Алданова главным видится «разгадывание» философии Толстого, то Бунин осмысляет путь писателя как освобождение. Освобождение от страхов, семейных оков, ненужных оправданий перед обществом и, в первую очередь, освобождение от смерти. Исследователь недаром ставит Толстого в один ряд с Буддой, Иисусом, Иовом, Екклесиастом... Для гениального писателя наивысшей формой духовного роста было высвобождение творческой энергии: «Подчинение и потом опять освобождение» [25] — вот главная формула у Толстого, по Бунину.

Споры о Толстом возникают из-за разности подходов к изучению его творчества. Алданов был не просто философствующим автором, но еще и ученым, о котором говорили, что «не только его мыслям, но даже чувствам присуща научность, он эрудит, размышлявший о связи эпох» [26]. Рассматривая творчество Льва Николаевича с точки зрения логики, он видел в его концепции «крайнюю степень рационализма, дальше которой некуда идти» [27]. Бунин же, напротив, понимал Толстого как неизмеримую душу, тонкого психолога, для которого нет обоснования разумом того или иного человеческого поступка: «...люди находят спасение от смерти не умом, а чувством» [28]. В доказательство своих мыслей Бунин приводит такие дневниковые записи Толстого: «Что я такое? Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца. Отвечает на это только какое-то чувство в глубине сознания» (курсив Бунина — Н. Г.).

Осмысление Толстого у Бунина и Алданова сложное, так же как непростым является само творчество гениального русского писателя. Исследователи во многом расходятся, но это живой спор двух мыслителей, прочитывающих автора «Войны и мира» по-своему. Так, Г.В. Адамович писал: «Почти все строение бунинской книги обращено к тому, чтобы показать невозможность единого и стройного построения такой личности, как Толстой» [29]. Алданов также отмечал «необъятность» великого писателя: «В систему его (Толстого — Н. Г.) не приведешь. Он и слишком огромен, и слишком изменчив» [30].

Несомненно то, что Толстой оказал важное влияние на творчество как Бунина, так и Алданова, что неоднократно отмечалось критикой. Для Алданова

путь в литературу начался с Толстого, ведь «Загадка...» — это переизданная часть первого тома самой первой литературоведческой работы Алданова — «Толстой и Роллан», которая печаталась «без существенных изменений» [31]. Для Бунина «Освобождение...» — итог всей его литературной деятельности, завершающий и главный этап его творчества. Он стал не только воплощением «общеэмигрантской философской идеи» — замысла серии биографий великих людей, но, прежде всего, воплощением любви и преданности к творчеству и личности Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов О. Н. Комментарии // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 625.
2. См.: Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М.: Олимп, 2001. 416 с.
3. Адамович Г. В. «Освобождение Толстого» // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 529.
4. Там же. С. 532.
5. «Этому человеку я верю больше всех на земле»: из переписки И. А. Бунина и М. А. Алданова // Октябрь. 1996. № 3. С.115-119.
6. «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: из литературной переписки М. А. Алданова / Публ. и коммент. А. А. Чернышева // Октябрь. 1998. № 6. С. 151.
7. Бахрах А.В. Бунин в халате. М.: Согласие, 2000. С.160.
8. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 120.
9. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения : В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 32.
10. Там же, С. 113-114.
11. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 107.
12. Там же, С. 106-107.
13. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения : В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 26.
14. Там же, С. 26.
15. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 142.
16. Аверин Б. М. Алданов — мемуарист, историк, литературовед // Алданов М. А. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 10.
17. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 130.
18. Пономарев Е. Р. Доклад Е. Р. Пономарева «Дискурсы «Освобождения Толстого» // [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.his.spb.ru/index2.htm>
19. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 96.
20. Там же, С. 140.
21. См.: Бахрах А. В. По памяти, по записям. М. А. Алданов // Новый Журнал. 1977. № 126. С. 146-170.
22. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения: В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 73.
23. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 144.
24. Там же. С. 144.
25. Там же. С. 39.
26. «Этому человеку я верю больше всех на земле»: из переписки И. А. Бунина и М. А. Алданова // Октябрь. 1996. № 3. С. 115-119.
27. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения: В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 91.

27. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Худ. литература, 1988. С. 144.
28. Адамович Г. В. Освобождение Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 528.
29. Алданов М. А. О Толстом // Алданов М. А. Сочинения: В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 468.
30. Алданов М. А. Загадка Толстого // Алданов М. А. Сочинения: В 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 22.

Наталья Николаевна БОЧЕГОВА —
доцент кафедры английской филологии
Курганского госуниверситета,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 81:39

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется роль различных уровней текстовой структуры в передаче этно-культурной специфики художественного сообщения. Вводится и рассматривается термин «дефисная культура», связанный с наличием двойной идентичности американского этноса, и анализируется отражение этого феномена в языковом сознании.

The role of different levels of the text structure in conveying ethno-cultural information is analysed in the article. The term «hyphenated culture» is introduced and examined in connection with the predominance of the double identity in the American ethnos and the reflection of this phenomenon in the language perception is considered.

Национальный характер языка и связанная с этим особая концептуализация мира тем или иным социумом находит свое выражение, в частности, в художественных текстах. Как отмечают многие исследователи, литература — это карманный словарь-справочник, путеводитель по культуре этноса, ее породившего.

Э. Сепир [1] отмечал в своих работах, что всякий раз, когда речь заходит о культуре, внимание инстинктивно сосредоточивается на искусстве, так как в искусстве проявляются наивысшие достижения культуры, квинтэссенция духа цивилизации. Ю. А. Сорокин определяет литературу как «субститут речевых и кинесических когнитивно-эмотивных состояний индивидуума (или текста, порожденного индивидуумом)» [2. С. 121]. Л. А. Шейман и Н. М. Варич, исследуя национально-культурное своеобразие этноса, пользуются понятием «этноэидемы» — сквозного образа, пронизывающего национальные картины мира различных этнических общностей [3].

Материалом исследования данной статьи являются тексты американской художественной литературы, представляющие «дефисные культуры», что отражает особенности американского культурного пространства. Понятие дефисности лежит в основе американской культуры, сформировавшейся в результате взаимодействия культурных кодов нескольких этносов. Идея «дефисности» культуры является центральной для американского социума, и, следовательно, для американского языкового сознания. Рассмотрим роль различных уровней текстовой структуры в передаче национально-культурного своеобразия текста. Применение полевого подхода к анализу позволит полу-